

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

К истории современного русского движения (1991–2014)

Статья вторая

Вторая половина 1990-х гг.

С середины 1990-х и до начала 2000-х годов в Русском движении происходят важнейшие события и перемены: распад постсоветского русского национализма и формирование нового русско-националистического дискурса.

К сожалению, данный период в истории Русского движения не только не освещен в источниках подобающим образом, но и существенно искажен академической наукой. Здесь имеется в виду книга В.Д. и Т.Д. Соловей «Несостоявшаяся революция» (М.: Феория, 2009), где авторы — два доктора исторических наук, брат и сестра — попытались нарисовать очерк «русской идеи» от ее истоков до наших дней.

В книге много удач и даже открытий, но все удачи заканчиваются, когда начинаются наблюдения по поводу современного национализма именно с середины 1990-х годов. Вплоть до потери или подмены объекта исследования.

Отчасти это связано с недостатками метода. Кто только не зачислен Соловьями в русские националисты! Тут оказались не только Бабурин, Руцкой или Нарочницкая (имперски настроенные патриоты, т.е. «недонационалисты»), но даже евразиец Дугин, даже великодержавный космополит Проханов, большевик-интернационалист

Лимонов и оборотень Жириновский, а с оговорками — так даже и Анатолий Чубайс. Словом, все те, кого реальные русские националисты никогда не согласятся считать националистами, разве что с приставкой «квази».

Соловьи судят с позиций сторонних наблюдателей в Русском движении, сами они далеки от его внутренних обстоятельств, чем и объясняется во многом дрейф их объекта исследования, когда оптика историков вперяется вместо оригинала — в копию или симулякр. Именно поэтому некоторые важные, ответственные инвективы и рекомендации авторов бьют мимо цели: они несоотносимы с реальным Русским движением.

Соловьи стремятся к широкоформатной панораме, они пишут несколько свысока: «Калькулирование идеологических различий между мелкими группками и крошечными партийками — занятие сродни изучению сегментов дождевого червя». Не только продвинутые гельминтологи, но и многие историки сочли бы это заявление кощунственным и лишаящим исследователей перспективы. Ведь движение истории иногда заметнее не в массах, а в узких кружках («якобинских кафе»); просто всему свое время. Иной раз нужен телескоп, а иной — и микроскоп. Оттого, что у русских националистов сегодня нет крупных организаций, подобных «Памяти» или РНЕ, или той

же НДПР периода подъема, не следует пренебрегать изучением малых и даже экспериментальных групп.

Сказанное в максимальной степени относится к национализму как идеологии (такой угол зрения избрали сами авторы). Но Соловьи не бывали в русских дискуссионных клубах 1990-х гг.: ни в Российском общественно-политическом центре на семинаре «Национальная доктрина России», ни в Государственной Думе на семинаре «Нация и государство», ни на иных такого же типа толковищах. А зря. Именно подобные микроплощадки да некоторые полуэкспериментальные СМИ своевременно послужили подлинными лабораториями русского национализма, в которых и дистиллировался актуальный дискурс.

Не случайно в библиографии, относящейся к 1990–2000-м годам, у Соловьев нет ни одного (!) инсайдерского источника, кроме конъюнктурной книги Петра Хомякова, и авторы вынуждены опираться на популярные либерально-демократические поделки «специалистов» («верховских-прибыловских»), коих никогда на пушечный выстрел не подпускали к Движению и чьи многостраничные заказные творения в значительной степени являются туфтой в самом строгом научном смысле слова. Итак, можно с огорчением отметить, что раздел книги, посвященный последнему двадцатилетию, фундирован слишком недостаточно.

Этот пробел дает себя знать в некоторых принципиальных моментах. В частности, ожесточенная дискуссия между патриотами и националистами, четко и навсегда размежевавшая их во второй половине 1990-х, прошла мимо внимания Соловьев, по старинке отождествляющих эти понятия. Верно отметив, что в 1990-е «была воспроизведена основополагающая дилемма: русские для государства или государство для русских», Соловьи ошибочно отнесли ее в целом к националисти-

ческой парадигме, в то время как она лишь воплощает пресловутую дилемму «патриотизм — национализм».

То же касается оппозиции «национализм политический — национализм этнический», которую Соловьи полагают мифом. Но это не так. Мифом, если на то пошло, можно считать сам по себе политический (гражданский) национализм, в маске которого обычно выступает заурядный патриотизм. Но теоретическое, идейное противостояние им порождено вполне реально, как в глобальном (контroversа французской и немецкой концепций нации), так и в местном российском масштабе.

То же можно сказать и об оппозиции «национализма слесарского» (эта разновидность отмечена Соловьями) и «национализма профессорского», сложившегося к концу 1990-х. Сегодня именно «профессорская» разновидность доминирует и определяет сам дискурс — и это ново и важно, но Соловьями, хотя их самих вполне можно записать в победители, этот факт не отражен.

О том, что с середины 1990-х гг. Соловьи сняли руку с пульса реального Русского движения, погрузившись в проблемы теории, говорит погрешность в десять (!) лет, с которой они датируют такую важную вещь, как размещение в «фокусе русского националистического дискурса» двух тем: «Россия как национальное государство» и «Возможность национальной демократии». Не в середине 2000-х, как они уверяют читателя, а в середине 1990-х гг. произошло это знаменательное событие, о чем свидетельствуют многочисленные документальные памятники, среди которых на первом месте — проект новой Конституции России.

К издержкам отстраненно-наблюдательской позиции Соловьев можно отнести также демонстративную недооценку языческого («родноверческого» в интерпретации неоязычников) тренда в Русском движении. В то время как

на деле мы имеем полномасштабную подвижку всего движения в целом, что соответствует тому общему процессу неоварваризации, расхристианизации и дегуманизации, который так удачно подметили и так блестяще описали Соловьи. Наличие в руководстве русских националистических организаций и СМИ лиц нехристианской ориентации во всевозрастающем количестве, сдача лидирующих позиций ортодоксальными христианами, определенное вытеснение их на периферию движения, архаизация и маргинализация — все это симптомы, важные для прогнозиста. Можно с уверенностью сказать, что они означают неизбежную и необратимую дальнейшую этнизацию дискурса, рост ксенофобии и антисемитизма, переход к крайним непарламентским формам политической борьбы, к пути «железа и крови» в государственном строительстве и т.д.

Отсутствие инсайдерской информации, излишнее доверие к ангажированным источникам и пренебрежительное отношение к «малым сим» приводит авторов к репликации поверхностных и/или мифологических сведений о конкретных национал-патриотических организациях (КРО, «Родина» и др.) и политических деятелях (Лев Рохлин и др.). Истинная подоплека многих важных событий оказалась от них скрыта, что отразилось на трактовке всего Русского движения.

Не потому ли их уничижительные характеристики «вождей» русского национализма так показательно безадресны и неконкретны? Наслаиваясь одна на другую, эти характеристики, ввиду голословности, невольно экстраполируются на все движение в целом, что вряд ли может сослужить добрую службу грядущим исследователям. Вот, к примеру: «Националисты были настолько рады получить хоть какую-нибудь должностишку, немного денег и доступ в СМИ, что в этой своей радости выглядели откровенно неприлично». Или еще: «При разгово-

рах с “вождями” русского национализма складывалось устойчивое впечатление, что эти люди склонны полагаться исключительно на пролетарскую смекалку и арийскую интуицию»; «трусливые, ленивые и неумные, кропотливой повседневной политической работе они предпочитали пьянки, на которых ругательски ругали “оккупационный режим”, “жидов” и прекраснодушно мечтали о национальном восстании»; «они нередко выступали в роли охвостья вновь созданной коммунистической партии»; «националисты надеялись, что, получив власть, Ельцин начнет восстанавливать традиционную российскую империю с националистами в качестве опоры этой власти»... И т.д.

О ком все это? Ни о ком — или обо всех... Одни намеки, ни одного имени, кроме одиозного Баркашева. Но Баркашев и в лучшие-то годы не олицетворял Русское движение в целом, а сегодня и вовсе лишь курьезный реликт. Справедливо ли такое полумолчание? Ведь если все сказанное — правда, и все обвинения — небеспочвенны, то почему надо было утаивать конкретные имена? Научность только бы выиграла от открытости. Если же нет, то стоило ли бросать тень на все Русское движение так огульно и голословно?

Так же безымянны и потому кажутся недостаточно достоверными и редкие позитивные характеристики националистов, например: «Нужна была некоторая смелость уже для того, чтобы вслух провозгласить себя националистами и республиканцами». К чему эта игра в «авторитет и тайну»?

Думается, что даже простое, но полное «инвентарное» перечисление, без оценки и классификации, основных фигурантов Русского движения окказало бы услугу специалистам и любителям, и непонятно, почему Соловьи лишили их этого подспорья.

В целом книга Соловьев, претендующая на выявление некоего алгоритма

для Русского движения, нужна и важна, но она пробуксовывает именно на этапе современности.

Следует по возможности закрыть данный пробел.

Рождение русского националистического авангарда

Идейный тупик, в котором оказались стихийный русский национализм сразу после крушения СССР, настоятельно требовал своего преодоления. И оно произошло.

Это связано с возникновением новой генерации теоретиков русского национализма (Владимир Авдеев, Сергей Городников, Владимир Истархов, Вадим Колосов, Борис Миронов, Роман Перин, Андрей Савельев, Александр Севастьянов, Вадим Сидоров, Петр Хомяков), а также с выходом националистического дискурса в широкую публику. Один за другим выходят согласованные между различными лидерами и организациями документы национального единения, разрабатываются идеологические платформы, публикуются статьи в центральной прессе, призванные разъяснить специфические русские права и интересы как самим участникам Русского движения, так и массовому читателю. Об этом сегодня уже существует специальная литература¹.

Осенью 1994 г. в «Независимой газете» — главной газете всей российской интеллигенции — выходит статья Александра Севастьянова «Национал-капитализм». Она вызвала много откликов, что позволило затем автору выступить с разъяснениями под заголовком «Национал-капитализм-II». Одни респонденты грозили редактору

Нюрнбергским трибуналом и писали доносы в Московскую прокуратуру, другие находили в высказанных соображениях единственно верную идею новой России. Кого-то решительно не устраивал вердикт «капитализм», а кого-то тошнило от определяющей приставки «национал». Словом, угодить не удалось почти никому, но термин прижился и периодически всплывает в политологии, как со ссылками, так и без.

С этой публикации берет отсчет история национал-демократического направления в русском националистическом дискурсе.

Вот ее опорные тезисы:

— у России не было выбора между капитализмом и социализмом: капитализм пришел закономерно, всерьез и надолго (с чем сегодня не спорят даже коммунисты);

— выбор был, но совсем иной: капитализм колониальный — либо капитализм национальный, причем победил колониальный (с чем сегодня не спорят даже либералы);

— национальный капитализм — это: 1) госпарткапитализм как строй, при котором государство, действуя, оптимально, через правящую партию, не только патронирует, но и контролирует отечественный бизнес, следя за балансом частных и национальных интересов; 2) физическое преобладание представителей государствообразующего этноса и вообще коренных народов страны в составе класса буржуазии;

— диалектика момента: колониальный характер российского капитализма (а он по-прежнему таков) отражает слабость позиций русской национальной буржуазии, ее классовую незрелость и неконсолидированность, ее непредставленность в российской политике; изменение этого статуса в сторону большей потентности повлечет за собой и изменение строя;

— политэкономическая задача номер один для России, если она намере-

¹ Валерий Сумин. Документы национального единения. К истории современного русского движения // Вопросы национализма. 2010. №1; Александр Севастьянов. Национал-демократия — не национал-социализм. К истории вопроса // Вопросы национализма. 2010. №2.

на выжить, — поворот от колониального капитализма к национальному, на «китайский путь развития»;

— это станет возможным, когда вырастет и политически созреет класс русской национальной буржуазии, чтобы осуществить диктатуру национального капитала;

— такая диктатура может сложиться только через «союз ума и капитала», через закулисный союз между Союзом русских купцов и промышленников (название условно) и респектабельной Русской политической партией (название условно), исповедующий триединый лозунг: «нация — порядок — справедливость».

Поскольку капитализм и демократия есть сущности, неразрывно связанные в современном мире, переход от концепции национал-капитализма к концепции национал-демократии подразумевался, что называется, самой силой вещей.

Статья вызвала множество писем в редакцию (часть была опубликована) и вообще породила многие толки. Термин «национал-капитализм» с тех пор прочно вошел в обиход политологов и публицистов, но поначалу сильно критиковался. Одним не нравилась апология капитализма, другим, естественно, национализма. Однако старт радикальному обновлению дискурса был дан, и развернуть процесс вспять уже было невозможно, он пошел крещендо. Ладыя русского национализма отчалила от опостылевшего берега и поплыла в края еще неизвестные...

Среди тех, кто публично выразил солидарность с автором, был профессор Петр Хомяков. В скором времени из печати вышла его брошюра «Национал-прогрессизм. Теория и идеология национального выживания и развития России». Затем, в декабре 1994 г., была сдана в набор книга Севастьянова «Национал-капитализм». Следом за ней в конце 1995 г. выходит книга Хомякова «Национализм без социализма». В мае 1996 г. выходит книга Се-

вастьянова «Национал-демократия», в приложении которой был размещен написанный обоими авторами совместно «Российский национал-капиталистический манифест». Все эти публикации лили воду на мельницу «нового русского национализма».

Однако нет, как говорится, база без надстройки. Политическим соответствием национал-капитализму, его санкцией и функцией является, как легко догадаться, не что иное как национал-демократия. Продвижение этого парного бренда («национал-капитализм» — «национал-демократия») стало мейнстримом ближайшего десятилетия.

Одновременно с творческим тандемом «Севастьянов–Хомяков» складывается параллельная активная группировка теоретиков и публицистов (В. Давыдов, С. Городников, В. Колосов, А. Севастьянов), разработывавших и продвигавших национал-демократическое направление в противовес консерватизму всех сортов: 1) православному монархизму, 2) имперству, 3) национал-социализму. Это отразилось в практически одновременном учреждении Колосовым — журнала «Национальная демократия» (№1 — июль-август 1995), Давыдовым — «Национальной газеты» (№1 подписан в печать 03.06.95) и выпуске Севастьяновым сборника своих статей под общим названием «Национал-демократия» (сдан в набор 09.01.96).

Вскоре видный функционер КРО А.Н. Савельев получил в Российском общественно-политическом центре (РОПЦ) должность начальника организационно-политического отдела, а с нею возможность вести семинар «Национальная доктрина России», где в регулярных дебатах выступали многие активисты Русского движения, включая всех перечисленных выше (в 1996 г. вышел сборник стенограмм заседаний). Савельев, хоть с оговорками как имперец и православный консерватор, однако

также не избегает влияния национал-демократического тренда.

Одновременно заработал семинар «Нация и государство» при комитете по геополитике Государственной Думы (вел его А.В. Архипов, помощник депутата Алексея Митрофанова).

На этих двух площадках преимущественно и происходили теоретические баталии тех лет с участием десятков штатных и самодеятельных теоретиков — ученых и публицистов, вырабатывался современный дискурс русского национализма.

В 1996 г. на презентации книги Севастьянова «Национал-демократия» (2-й гуманитарный корпус МГУ) с выше-названными лицами перезнакомились Владимир Авдеев (писатель, автор книги «Преодоление христианства») и Павел Тулаев (преподаватель-испанист и поэт, автор книги «Крест рад Крымом», характеризовавший себя тогда как «православный фашист»). Тогда же Авдеев заявил о своем намерении полностью сосредоточиться на проблемах расологии.

С начала 1997 г. «Национальная газета», едва влачившая скромное существование, была передана Давыдовым в руки Севастьянова, став затем на десять лет самым заметным СМИ русского национализма авангардного, национал-демократического характера, его рупором, фронтально противостоящим всем консервативным направлениям в Русском движении.

Нужно вспомнить здесь и о самой ранней русской Национал-демократической партии, созданной в конце 1997 г. Сергеем Городниковым, Александром Лобковым и Александром Елисеевым и зарегистрированной в марте 1998 г. в Минюсте как региональная организация Москвы и Московской области (локомотивом регистрации НДП был Андрей Савельев). Партия не стала массовой и не получила политических перспектив в то время, но обозначила восходящую тенденцию.

Несколько ранее, 27 декабря 1996 г. был подписан и в начале 1997 г. обнародован первый знаковый документ русского националистического авангарда. Им стал манифест с символическим именем «Русское согласие», подписанный Авдеевым, Городниковым, Савельевым, Севастьяновым и Хомяковым (Давыдов принимал участие в обсуждении документа, но не подписал его по скромности, не считая себя знаковой фигурой). Провозглашая отход от любой архаики, авторы писали:

«Наши ближайшие политические цели: русский суверенитет, русская государственность, русская этнократия, воссоединение русского народа.

Пора закрыть “плавильный котел” на нашей земле. Ассимиляцию должно довести до конца, не добавляя в этот котел новых компонентов и стремясь к увеличению русской пропорции. В отношении нерусских нужна активная антииммиграционная политика. Расовая гигиена — осознанная необходимость...

Мы не консерваторы. Наша идеология — это идеология современная, она нацелена в будущее, а не в прошлое. Наши цели впереди, и добиваться их мы будем современными методами. Русская национальная идеология не должна иметь ничего общего с архаикой... Мы против всех пережитков добуржуазного общества...

Технократическая политика не может быть политикой маргинальных слоев общества. Это политика, планируемая и осуществляемая при решающей роли интеллектуалов и предпринимателей. Это политика, проводимая непосредственно в их, хотя и не только в их интересах.

Инженер, учитель, врач, армейский офицер, ученый, студент, рабочий высшей квалификации, менеджер-производственник — вот основная опора национального движения, социальная база его актива.

Из сказанного вытекает, что национализм и социализм не совместимы.

Национал-социализм — неудачная, а потому провалившаяся карикатура на национализм. Задача русских националистов — найти оптимальные формы национал-капитализма и обеспечить переход от дезорганизованного, разложившегося, неструктурированного общества к сословно-корпоративному. Русские националисты говорят “да” — всем социальным гарантиям, “нет” — социализму как общественному строю».

Так было положено основание национал-демократическому тренду, который с тех пор развивался наиболее динамично и сегодня стал влиятельной альтернативой как национал-социализму, так и право-консервативному направлению.

Здесь необходимо обрисовать основные идейные черты национал-демократии, какой она сложилась во второй половине 1990-х гг.

Русская национал-демократия в своей основе и в развитии

Для характеристики изначальной русской национал-демократии следует пересказать текст А. Севастьянова, опубликованный в статье «Национал-демократия — не национал-социализм» (2010).

Что такое национал-демократия?

Самое краткое определение: это демократия для своих. Или демократия, ограниченная по национальному признаку.

Национальная демократия зиждется на таком понимании нации, которое сложилось в современной России у наиболее продвинутых юристов-цивилистов и этнополитиков.

Итак: нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности. И — более краткое, но равнозначное определение: нация — это государствообразующий этнос.

Исходя из приведенных дефиниций, легко продвигнуться к пони-

манию смысла термина «национал-демократия»: это демократия, действующая в рамках нации. Подчеркну еще и еще раз: *нация* в данном понимании есть *этнонация* и ничто иное.

Подведем итог: что же такое национал-демократия по-русски?

В области идеологии это учение, противостоящее, с одной стороны — национал-социализму, а с другой — автократизму независимо от вида автократии (монархия, президентская республика и т.д.) с позиций *этнократического цензового республиканизма*.

В области политики это такое государственное устройство, которое допускает все формы собственности на средства производства (но не на природные ресурсы, остающиеся в собственности государства), признает разделение властей при главенстве власти законодательной, имеет республиканскую форму правления, соблюдает основные права и свободы не только гражданина, но и нации (государствообразующего народа), однако гражданство при этом принадлежит только коренным народам страны и приобретается по праву рождения, как в Германии, Израиле и др.

В области экономики национал-демократия базируется на национал-капитализме и является его высшей функцией и одновременно высшей санкцией.

Главный документ современного русского национально-демократического движения, разъясняющий все эти вещи до последней тонкости, — это проект Конституции России, разработанный Лигой защиты национального достоинства в 1997 г. и с тех пор неоднократно публиковавшийся и обсуждавшийся. Ибо он коротко и ясно, в понятных всем четких и недвусмысленных юридических формулировках разъясняет любому желающему суть Русского национально-демократического государства. Этим документом увенчался первый период

развития национал-демократического дискурса, зародившийся при описанных выше обстоятельствах. Приложением к нему служит пакет разработок, касающихся построения русского национального государства².

Следует заострить здесь внимание читателя на абсолютной реальности водораздела: национал-демократия и национал-социализм «есть вещи несовместные». В очередной раз этот факт проявился недавно, при широком обсуждении «Семнадцати новых вопросов русскому националисту» Павла Данилина³.

Однако развитие событий выявило противоречие не только между национал-демократами и национал-социалистами.

Во второй половине 2000-х годов в развитии самого национал-демократического тренда появились признаки идейного раздвоения и внутренней противоречивости. В высказываниях ряда видных активистов на первый план стало выходить либерально-демократическое начало, вытесняя (и компрометируя) при этом начало националистическое. Если в 2002–2008 гг. тон в национальном движении задавала Национально-Державная партия России, сопредседателем которой состоял национал-демократ Севастьянов, то в 2012 г. состоялся учредительный съезд Национал-демократической партии (лидер Константин Крылов), в которой державнический тренд уже не просматривается вовсе, скорее налицо его противоположность, зато очень много говорится о гражданских правах и свободах.

² Александр Севастьянов. Национал-демократия — не национал-социализм. К истории вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 2.

³ См. об этом: Александр Севастьянов. Семнадцать мгновений истины, или Наш ответ Данилину // Наш современник. 2009. № 10.

Понятно, что перед нами оказались налицо два противоречащих друг другу варианта национал-демократии совершенно «разного разлива».

Изменения связаны, во-первых, с экспансией национал-анархистского, не только антиимперского, но и вообще антигосударственнического тренда, чем усердно занимались в течение долгих лет проф. Петр Хомяков и Алексей Широпаев, а также их адепты. Большую активность на национал-демократическом поле развили было сайт Академии национальной победы (АНП) и сайт Национал-демократического альянса (НДА), связанные с Широпаевым, Лазаренко и Хомяковым. Беда в том, что демонстративное отстранение нынешней Российской Федерации от бед и проблем русского народа провоцирует встречное отстранение народа от якобы «своего» (на деле чужого и чуждого) государства. Что, конечно, льет воду на мельницу анархистов.

А во-вторых — с появлением в Русском движении молодого поколения, воспитанного в постсоветской России на идеалах индивидуализма, эгоизма, потребительства, масскультуры и стремления к личной свободе и комфорту, в традиции преклонения перед западной моделью жизнеустройства, перед якобы неотвратимой поступью глобализации. Их представления о демократии отчетливо отдают анархизмом и либерализмом — неперенными спутниками индивидуализма.

В результате воздействия этих факторов место национал-демократии в умах многих ее сторонников и противников занял чистой воды национал-либерализм. Где национальная идея размыта до предела, где национальность подменяется гражданством, а нация, соответственно — согражданством, где идея сильного централизованного национального государства отвергается вовсе, а права и интересы индивида ни в коей мере не уравниваются правами и интересами на-

ции как целого, где идеалом выставляется западное общество с его культом личной свободы и комфорта. Понятно, что, наблюдая подобные метаморфозы, записные, закоренелые либералы, хоть и морщатся по старинке брезгливо, но предлагают различные варианты союза этим «новым национал-демократам», рассчитывая использовать националистов в своей игре⁴.

Неудивительно также, что и лидеры этой «новой национал-демократии», такие как Валерий Соловей, Константин Крылов, Владимир Тор или Александр Храмов, охотно идут на контакт и сближение с либералами, совместно выступают с ними на «болотных» мероприятиях.

Ущерб, который терпит идея национал-демократии от подобных интерпретаций, — неописуемо велик и всем заметен. У широких масс националистов выражение «национал-демократ» стало едва ли не бранным, близким по смыслу к «национал-предателю».

Тем не менее объективные изменения постсоветского общества диктуют свои условия, и сегодня можно говорить о заметном дрейфе всего Русского движения в сторону национал-демократии. Этот дрейф вызван осознанием (наконец-то!) лидерами националистов необходимости идейно завоевать и перетянуть на свою сторону, причем в массовых масштабах, верхние общественные страты: интеллигенцию (в т.ч. бюрократию) и предпринимателей, в первую очередь. Ибо будущее всецело зависит от них, а не от «народных масс», чье присутствие в политике сегодня полностью свелось лишь к участию оболваненного контингента в выборах. Ни больше, ни меньше. Что ис-

ключает плодотворность обращения к национал-социализму иначе как к дешевой приманке, к расхожему, популярному в массах, но неосуществимому идеалу, заведомо осужденному, однако, на провал.

Но это лишь одна сторона вопроса.

Мы свидетельствуем, что национал-социализм, хотя и не имеет сегодня сколько-нибудь внушительного организационного оформления, не сдал свои позиции. Более того: это все еще мейнстрим, набирающий множество сторонников в низовых, социально дефективных стратах общества по мере роста обнищания масс, безработицы, техногенных катастроф, социальной и национальной напряженности и т.п.

Таким образом, за противостоянием национал-демократии и национал-социализма просматривается столкновение двух общественных страт, социальная психология каждой из которых представлена одной или другой идеологией. Перед нами идеология творческого, созидательного, сведущего и могущественного меньшинства с одной стороны — и идеология бессильного и малосведущего большинства с другой.

Трагедия, однако, в том, что обе страты суть части единой русской нации, и будущему русскому правительству, Русскому национальному государству необходимо будет примирять их интересы и установки, искать пути к национальному единству через компромисс, через баланс взаимных требований. И, соответственно, через конвергенцию названных идеологий.

Лаборатории национализма

О том, как трудно русским бывает достичь национального единства даже внутри одной страты, говорит непростая судьба того самого «русского соглашения», которое было манифестировано в конце декабря 1996 г. Итоговое разминовение подписантов в политике выглядит вполне показательным. Оно происходило постепенно, обогащая

⁴ См. об этом: Александр Севастьянов: 1) Проект «Национал-либерализм» // Литературная газета. 2012. № 34; 2) Полюбил либерал националиста... // Наш современник. 2013. № 9.

Русское движение нюансами политической мысли и рисуя для него как перспективы, так и тупики.

Первоначальный круг идеологов нового русского национализма был узок⁵. И согласие между ними оказалось временным, разрушаясь по мере расширения данного круга. А расширение происходило быстро, национализм оказался востребован и привлекал к себе все новых участников общественной жизни.

Еще в 1996 г. на одной из конференций в РОПЦе среди выступающих оказалось несколько молодых юристов, отметившихся острыми и умными выступлениями. Они держались сплоченно, лидером был председатель политологического клуба «Роза ветров» Вадим Сидоров. Полурусский-полуармянин (его семья бежала в 1990-м году из Баку, спасая свои жизни), он отличался умом, темпераментом, большой начитанностью, волевыми качествами и позиционировался как весьма радикальный русский националист, глава Союза русской молодежи. Сплотившиеся вокруг него студенты и аспиранты юрфака МГУ и Академического правового университета ИГП РАН, примерно десять человек (А. Дудко, А. Казаков, А. Жуков и др.), все исповедовали русский национализм, сочетая в своих представлениях архаизм (например, ортодоксальное христианство) и новаторство (например, предпочтение национального государства — империи, примат принципа крови над принципом почвы, выбор в пользу национал-демократии, а не национал-социализма и, наконец, выбор вообще национализма, а не патриотизма).

⁵ Из представителей русского национализма доперестроечного призыва, сохранивших посильную активность, следует назвать М.Н. Любомудрова (Петербург), В.Н. Осипова и А.М. Иванова (Москва), но лишь последний сумел войти, через сотрудничество с В.Б. Авдеевым и П.В. Тулаевым, в состав работников нового русского национализма.

Среди наметившихся к тому времени интеллектуальных лидеров они предпочли Александра Севастьянова и сделали ему предложение создать общественную организацию под его руководством. Так в ноябре 1996 г. была учреждена Лига защиты национального достоинства (ЛЗНД), главной целью которой, в соответствии с профессиональным интересом большинства участников, стал перевод концепции нового русского национализма на язык закона.

Такой подход сразу вывел ЛЗНД на иной, наиболее высокий уровень теоретического осмысления русской проблемы, поскольку любая юридическая формулировка позволяет в максимально концентрированном виде суммировать все, даже самые спорные аспекты той или иной дискуссии. Дисциплина мысли, умение смотреть в суть вещей и выражаться лаконично и точно — это стало визитной карточкой ЛЗНД.

Высшим достижением Лиги в практической политике стало принятие в 1998 г. закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны» (Севастьянов восемь лет неотступно действовал на данном направлении). А в теории русского национализма таким достижением стали проект новой Конституции России, а также законопроект «О разделенном положении русской нации и ее праве на воссоединение»⁶. Выше названных рубежей теория русского национализма не поднималась ни до, ни после того.

Именно на работе над проектом Конституции Севастьянов сразу же сосредоточил весь умственный потенциал своих молодых союзников.

⁶ То и другое в сопровождении пояснительных статей А.Н. Севастьянова см. в «Национальной газете» за 1997–1998 гг., а также в кн.: Александр Севастьянов. Русский проект. Конституция России: новый вариант (М., 1998).

А они, в свою очередь, подключили к работе своих профессоров, высококвалифицированных юристов Института государства и права РАН и юрфака МГУ.

Оба документа прошли общественную апробацию. Проект Конституции был рассмотрен в 1997 г. на политологическом семинаре «Национальная доктрина России» в Российском общественно-политическом центре, а также на семинаре «Нация и государство» в Государственной Думе России и одобрен в целом. Предваряющая Проект статья Севастьянова была опубликована у Виталия Третьякова в газете «НГ-Сценарии» (14.08.97) под заголовком «Национализм с человеческим лицом». Создан проект «Русской Конституции». Законопроект «О разделенном положении русской нации», впервые опубликованный в «Национальной газете» №3/98, был кратко изложен Севастьяновым в Государственной Думе на конференции «Проблемы разделенности и утверждения международно-правовой субъектности русского народа в интересах защиты соотечественников за рубежом», проведенной Комитетом по делам СНГ и связям с соотечественниками Госдумы России 21.04.98 г.

Однако ни воплощения в жизнь, ни превращения в оплот русской консолидации, в центральный пункт русской повестки дня этим документам дождаться было не суждено. Во многом этому способствовало разделение изначально небольшого кружка националистически мыслящих интеллигентов на ряд отдельных штабов — «лабораторий национализма».

В сентябре 1996 г. учредитель «Национальной газеты» Виктор Давыдов опубликовал в ней программу, устав и манифест объединения «Золотой лев», куда вошли, кроме него самого, еще Сергей Городников и Андрей Савельев. Хомяков и Авдеев воздержались. А Севастьянов, который к этому времени уже расценивал Городникова

как маргинала и дилетанта с признаками шизофрении, вообще стал отдаляться от указанного сообщества. И не вошел ни в него, ни в созданную в 1997 г. теми же людьми Национал-Демократическую партию⁷.

В конце 1996 г. Давыдов, разочарованный «успехами» созданной им «Национальной газеты» (за два года из печати вышло всего четыре номера лишь по 4 полосы в каждом, довольно заурядного содержания), заключил договор с Севастьяновым, передав ему полномочия главного редактора. При этом бывший главный редактор Лобков и Городников, поставивший основное содержание газеты, в том числе за счет своих писаний в стиле «фэнтези», оскорбились и от сотрудничества отвернулись.

Вскоре произошли события, разведшие Севастьянова и с Андреем Савельевым. Дело в том, что 1 ноября 1996 г. в РОПЦе прошла Вторая конференция «Государство и национальная идеология» (организаторы «Национальная газета», РОПЦ и Объединение «Золотой лев»). Выступление Вадима Сидорова с позиции «национализм против этатизма» глубоко задело Сергея Пыхтина, «серого кардинала» КРО⁸ и личного близкого друга, соратника и соавтора Андрея Савельева. Пыхтин, самодельный политолог, к 30 годам насилиу получивший диплом юриста-заочника, считал себя, однако, корифеем национальной мысли. Вскоре он предложил Севастьянову для публикации в «Национальной газете» свою критику взглядов Сидорова, написанную свысока и несдержанную в выражениях. Севастьянов опубликовал ее, но не отказал и Сидорову в публикации ответа. А этот одаренный юноша, го-

⁷ О ней см.: <http://www.ndprus.com/ndp/istoriya-ndp/yubiley-natsional-demokraticheskoy-partii.html>

⁸ Также был членом Президиума ЦК «Родины. КРО», секретарем Центрального совета партии «Великая Россия».

раздо яснее мыслящий и гораздо лучше образованный, чем его оппонент, выступил с умным и беспощадно ироничным памфлетом «Анти-Пыхтинг»⁹.

Этого оказалось достаточно, чтобы Пыхтин на всю жизнь стал личным врагом Севастьянова, затаив смертельную обиду. А заодно за своего лучшего друга обиделся и Савельев. В 1997–1998 гг.

⁹ «Национальная газета» №4(8)/97. В частности, Сидоров писал: «Поправлю вас, С.П.: в русском национализме никакого раскола нет. Есть лишь разногласия, порой существенные (между архаистами и новаторами, социалистами и капиталистами, христианами, атеистами и язычниками и т.д.). Зато налицо настоящий раскол *между патриотами-государственниками и собственно националистами*. Вы — яркий представитель первых, но — увы! — никакого отношения не имеете ко вторым, и ваши попытки вещать от их имени совершенно безосновательны. Для вас, государственников, приоритетом номер один, определяющим всю вашу позицию, являются, естественно, государство и территории (о чем вы лично не раз писали и говорили); для нас, националистов, — естественно, *сама нация*. Именно этот принцип объединяет нас, несмотря на все наши разногласия. Именно он отделяет нас от вас, не позволяет нам с вами объединяться в какой-либо политический союз, несмотря на общую любовь к России. Это расхождение кардинальное, глубоко принципиальное, основополагающее... Недоразумение, в соответствии с которым вы причисляете себя к националистам, легко объясняется, когда мы постигаем, какое содержание вы вкладываете в слово “нация”. Как и положено всякому последовательному этатисту, вы закрываете глаза на тот фундаментальный факт, что *нация — есть фаза естественного развития народа*, так же как народ есть фаза развития народности, народность — племени и т.д. Для вас же и весьма многих ваших единомышленников *нация — всего лишь “гражданское сообщество”*, искусственно слепленное некоей политической волей». Далее перечислялись «вопиюще нелепые ляпсусы» из статьи Пыхтина.

Савельев выпустил два номера журнала «Золотой лев», главным редактором которого стал Пыхтин. В своем журнале они, что называется, «без объявления войны», повели довольно грубую антисевастьяновскую кампанию, но нарвались на такой ответ в «Националке», который не оставил им шанса на победу. С тех пор, несмотря на две мирные инициативы со стороны Севастьянова, они так и не смогли поставить общественное выше личного и восстановить хотя бы рабочие отношения с коллегой по Русскому движению. Пыхтин незадолго до смерти в очередной раз отклонил протянутую руку, да так и умер не помирившись.

Итак, вместо единой платформы, которую, казалось, обеспечивал манифест «Русское согласие», в 1996–1998 гг. в Русском движении образовалось несколько идейно-политических площадок, каждая из которых строилась вокруг одного или нескольких лидеров:

1) Лига защиты национального достоинства и «Национальная газета» (лидер А.Н. Севастьянов);

2) общественное объединение и одноименный журнал «Золотой лев» и Национал-Демократическая партия (С. Городников¹⁰, А. Савельев, В. Давыдов и др.);

3) В. Авдеев, посвятивший себя с 1996 г. расово-антропологической проблематике, принял решение не участвовать в политических группировках, но стал активно сотрудничать с журналом «Наследие предков» и такими интеллектуалами, как Анатолий Иванов и Павел Тулаев. В дальнейшем это плодотворное направление проявилось через журнал «Атеней» и создание книжной серии «Библиотека расовой мысли». Но труды Авдеева заслуживают отдельного разговора. Здесь стоит лишь заметить, что он со-

¹⁰ В 2011 г. стал председателем Совета Контроля Общественно-политической организации «Русские».

хранил добрые отношения со всеми, а сотрудничество — с Савельевым и Севастьяновым;

4) П. Хомяков после распада Национал-Республиканской партии остался в качестве «серого кардинала» при Юрии Беляеве (впоследствии партия «Свобода»), а кроме того побывал в советниках у Льва Рохлина. Но после убийства одного занялся написанием книг в жанре «фэнтези» и «фолк-истори», где развивал квазинаучные теории относительного прошлого и будущего человечества и России, чем резко отвратил от себя Севастьянова, прекратившего с ним всякое сотрудничество. В итоге стал проповедовать идеи национал-анархического, антигосударственного толка, еще сильнее разойдясь с бывшим соавтором по «Национал-капиталистическому манифесту России» и «Русскому согласию»¹¹. Обретя аудиторию новых единомышленников, Хомяков встал на путь создания полуподпольной организации «Северное братство». Этот путь, как известно, привел его в тюрьму по обвинению в мошенничестве и экстремизме;

5) еще одна площадка для развития националистического дискурса сложилась на базе Народно-Национальной партии, газет «Эра России» и «Я — русский», журнала «Наследие предков» (А. Иванов-Сухаревский и В. Попов). Здесь нашли благодатную почву и поддержку идеи национал-анархизма, гитлеризма (А. Широпаев, И. Дьяков, В. Истархов), расизма и панславизма (В. Авдеев, П. Тулаев), а также, попеременно, православия и язычества;

6) ряд важных информационных и организационных проектов оказался связан с деятельностью рок-музыканта и политика Сергея Жари-

кова¹², впоследствии устранившегося с политической сцены. С ним сотрудничали А. Архипов, И. Дьяков, А. Иванов, В. Авдеев и другие, в том числе в журнале «Атака»;

7) судьба А. Савельева до 1999 г. была связана с КРО, затем до 2003 г. с «Родиной» (Д. Рогозиным), затем с партией «Национально-патриотические силы России» (Шмидт Дзоблаев), потом снова с «КРО — Великая Россия»,

¹² Сергей Алексеевич Жариков, рок-музыкант и общественный деятель, 1956 г. р. Окончил факультет прикладной математики МИЭМ. В 1985–1988 издаёт журнал «Сморчок» — культурологический самиздат. Вскоре уходит в политику. В 1988 году становится доверенным лицом, архивариусом Григория Климова (Игоря Калмыкова) и первым издателем его книг «Протоколы советских мудрецов»; «Князь мира сего»; «Красная кабала». В рамках издательства «Русское слово» (совместно с Игорем Дьяковым), впервые на постсоветском пространстве издал произведения И. Солоневича, Ж. Дуйе, М. Серрано, Б. Муссолини, Т. Герцля, Ю. Эволи и др. Лауреат премии журнала «Молодая гвардия» за 1990 г. В 1989–1993 гг. — советник, спичрайтер и имиджмейкер В.В. Жириновского. В 1990–1992 гг. — главный редактор газеты «Сокол Жириновского», министр культуры «теневое кабинета» ЛДПР. Колумнист еженедельника «Хозяин» (приложение к газете «Труд»); в 1993 редактор журнала «К Топору» (именно там, впервые, в тезисах Национал-Радикальной партии (предтеча НБП) появилось словосочетание «новые русские»). В 1994–2001 — издатель и главный редактор журнала «Атака», входящий с 1996 в обойму изданий Хартии «Европейские Синергии» (Париж–Брюссель, в числе подписчиков штаб-квартира НАТО), организатор Московского отделения Хартии (1996). С 1996 по 1999 организатор и ведущий еженедельного семинара «Нация и Государство» при Комитете по вопросам геополитики ГД РФ (вместе с А. Архиповым). Постоянный автор журналов «Ухо» (запрещён в 1984), «Ур-Лайт», «Русский Рок», «КонтрКультУра» и др.

¹¹ Подробную критику концепции П.М. Хомякова см. в кн. А.Н. Севастьянова «Уклоны, загибы и задвиги в русском движении» (М.: Русская Правда, 2011).

потом только с «Великой Россией». Савельев отвечал за программно-идеологическое обеспечение рогозинских инициатив, участвовал в работе редакции альманаха «Золотой лев». До самой своей смерти (2011) с ним сотрудничал С. Пыхтин;

8) своим путем развивалось родноверческое движение как в столице, так и в провинции. В Москве основные теоретические разработки были сделаны Анатолием Ивановым, Владимиром Авдеевым, Игорем Синявиным, Владимиром Истарховым, в провинции — Александром Добровольским (Доброславом), Вадимом Казаковым, патером Дием и др. Оба крупнейших русских издательства — «Витязь» (В.И. Корчагин) и «Русская Правда» (А.М. Аратов) — тесно сотрудничали с названными лицами;

9) попытку развивать русский национализм православно-христианского толка предпринимали «Черная сотня» (Р. Штильмарк), РОНС (И. Артемов), а также некоторые церковники (например, о. Всеволод Свешников, автор брошюры «О русском национализме истинном и мнимом») и близкие им лица (в первую очередь историк В.А. Махнач);

10) поиском национальной идеи активно занялись также некоторые казачьи организации, но в этой среде зачастую брала верх идея этнической отдельности казаков. Среди тех, кто стремился соединить русскую идею с казачьей, следует назвать атамана А. Ветрова, но стать видным теоретиком ему не удалось, да и лидером тоже, поскольку в Русском движении авторитета добиться не смог;

11) отдельно следует указать на многие десятки русских национал-патриотических газет разного калибра и достоинства, числом более 200, издававшихся на территории бывшего СССР. В 1997 г. был зарегистрирован Всеславянский союз журналистов, первым председателем которого был избран болгарин Тодор Дичев, впо-

следствии его место занял Борис Миронов. Последний попытался превратить ВСЖ в союз СМИ исключительно православно-христианской направленности, и организация тихо умерла в начале 2000-х.

Среди русских национал-патриотических изданий особняком стоит «Национальная газета» (А. Севастьянов), которая за 10 лет выросла в объеме (с 4 до 24 полос) и тираже (с 1 до 12 тыс. экз.) и все эти годы являлась главной трибуной для русских организаций и активистов всех направлений¹³. Здесь появились не одна сотня статей теоретического и исторического содержания, интервью общественных деятелей, так или иначе продвигавших дискурс русского национализма. Часть из них была опубликована в сборнике «Ты — для нации, нация — для тебя. Избранные статьи из “Национальной газеты”. 1995–2002 гг.» (М., 2002).

* * *

Таковы были основные «лаборатории национализма» второй половины 1990-х гг., где «вываривался» современный дискурс русского национализма со всеми своими характерными особенностями и противоречиями. Нужно отметить, что между ними не существовало непроходимых границ. Многие активисты Русского движения, действуя в рамках одной лаборатории, входили и в орбиту других, осуществляя своего рода «перекрестное опыление»: идейное посредничество, сближение и сотрудничество.

Однако, с другой стороны, политическая и идейная конкуренция различных групп вела к обострению противоречий между ними. Накапливался идейный и личностный антагонизм, ожесточался тон теоретических дискуссий.

¹³ Полный комплект за 1995–2008 гг. имеется в Отделе газет Российской Государственной библиотеки. Это поистине летопись Русского движения данного периода.

Это вело, среди прочего, к кристаллизации идейных позиций, ко все более четкому формулированию постулатов нового русского национализма. Одно за другим закрывались «белые пятна» националистической теории. На все самые острые и насущные вопросы один за другим находились адекватные ответы. Разрыв со старой национал-патриотической традицией становился все очевиднее и неизбежнее.

В результате к 2000 году в основных чертах сложилось то течение современной мысли, которое мы называем новым русским национализмом. Окончательно его постулаты откристаллизовались в последующее десятилетие.

Новый русский национализм — это национализм, выросший из советско-русского патриотизма, но оторвавшийся от него за последние 20 лет. Несмотря на то что в нем сохраняются такие рудиментарные секторы, как право-консервативный (православно-монархический) и лево-консервативный (социалистический, в т.ч. национал-социалистический), наиболее популярным и перспективным сегодня является сектор национально-демократический¹⁴. Именно в нем с наибольшей силой проявилось то по истине новое содержание, которым не могли похвастать предшественники.

Новый русский национализм

Итак, в итоге первоначального становления национал-демократического тренда и идейных баталий второй половины 1990-х гг. в идеологии Русского движения произошли важнейшие сдвиги, постепенно проникшие в массы. Родился новый русский национализм, во многом перекликающийся с национализмом начала XX века (Михаил Меньшиков и др.), но во многом отличный. И в любом случае резко отличающийся от русского советского

патриотизма и национал-патриотизма. Вот в чем его новизна:

1. Пришло правильное понимание того, чем является настоящий национализм. *Любовь к своему народу и забота о нем* — это есть национализм на индивидуальном уровне. На массовом же уровне национализм — это *инстинкт национального самосохранения*, который спит, когда все идет гладко, но просыпается, когда народу грозит опасность.

2. Произошло размежевание патриотов и националистов. Стало ясно, что отличие националиста от патриота именно и только в том, что националист уже осознал, глубоко и непоколебимо, что нация — первична, а государство — вторично. Для патриота же пока все наоборот: первично государство, а вторична — нация. Патриот пока еще не понял, что нельзя решать проблемы государства в обход проблем нации. Бессмысленно надеяться, что можно укрепить государство, не укрепив государствообразующий народ, собственно нацию. Патриот, осознавший эти простые истины, автоматически превращается в националиста.

Таким образом, национализм есть высшая стадия развития патриотизма.

3. Произошло становление и утверждение не просто национализма, а именно этнонационализма. Ибо стало ясно, что народ — это не социокультурный феномен, принадлежность к которому определяется общностью языка и культурно-бытовых приоритетов. Ибо исходное не определяется через производное, первичное через вторичное, феномен через эпифеномен. И сталинское определение нации через четыре критерия (язык, территория, экономическая жизнь и психический склад, проявляющийся в культуре) тоже не полно и не совершенно.

Правильное понимание и определение: *народ (этнос) — это совокупность всех лиц, кровно связанных*

¹⁴ В начале 2010-х гг. он успел разделиться на национал-державную и национал-либеральную фракции.

между собою общностью происхождения. Этничность — первична, все остальные предикаты (язык, религия, культура) — вторичны. Немцы, французы, англичане и т.д. отличаются друг от друга не потому, что говорят на разных языках и имеют разные эстетические и религиозные предпочтения (хотя это вне всякого сомнения так). Напротив: все дело в том, что они говорят по-разному и имеют разные предпочтения — в строгой зависимости от генетически обусловленного устройства психики и соматики, вплоть до конструкции голосовых связок и мозговых извилин.

Впервые в истории национальная идентичность и национальная солидарность у русских получила обоснование на принципе «крови», а не «служения», «веры» и т.п.

4. Соответственно, быть русским — это значит, в первую очередь, иметь в себе русскую кровь. Вне этого условия все остальные требования пусты и бессмысленны. *Человек, в котором русской крови нет вообще, не может считаться русским, каким бы он ни был воспитан, как бы себя ни вел и что бы о себе ни воображал.* Можно стать русским художником, писателем, ученым, генералом и т.д., даже не имея в себе русской крови, но стать просто русским — нельзя: русским можно только родиться.

В идеале русский человек — это тот, кто имеет по всем линиям только русских предков во всех обозримых поколениях, для которого при этом родным языком является русский, родная культура представлена исключительно произведениями русской национальной традиции в литературе и искусстве, родной историей воспринимается исключительно история русского народа, родная вера — это вера предков, а многочисленные враги русского народа оцениваются как личные враги.

В жизни идеал встречается не так часто, как хотелось бы. Поэтому из

практических соображений в России приходится делать ряд уступок и допущений: записывать в русские даже тех, у кого один из родителей — нерусский (за исключением евреев по матери), а также подставлять на место этнонима «русский» — этнонимы «белорус» и «украинец».

Вместе с тем — и это принципиально! — в руководители русского народа могут быть допущены только те, у кого все четверо предков в третьем колене являются русскими и нет нерусских супругов. Вождь русского народа должен быть из русских русским.

5. Утвердилось правильное понимание нации, выработанное поколением русских ученых — антропологов и юристов-цивилистов: нация — есть фаза развития этноса (по ступеням: род — племя — народность — народ — нация), в которой данный конкретный этнос обретает суверенитет и создает собственную полноценную государственность. Иными словами, нация есть государствообразующий народ данного государства. Категорически недопустимо смешивать и путать нацию и согражданство, подменять одно понятие другим. Нация и согражданство (а тем более просто население) — совершенно разные вещи. А «гражданский национализм» — вообще оксюморон, типа «жидкой фанеры».

6. Отсюда вывод: русские — единственная нация среди всех народов, народностей и племен, зарегистрированных в России. Соответственно, Россия — мононациональная страна русского народа. Ибо русские были и остаются единственным государствообразующим народом нашего государства. Русское национальное государство сложилось в конце XV века как единое централизованное практически мононациональное государство. Один этнос (небольшие вкрапления финского субстрата не в счет), один язык, одна религия, одна культура, один центр управления. Именно на этой базе русского национального государ-

ства строились и строятся все его последующие модификации.

Однако Россия на протяжении чрезвычайно долгого времени, с 1917 года, пребывает русской страной с антирусской властью и противоестественным федеративным устройством. Это противоречие должно быть наконец устранено за счет преобразования нынешней межумочной Российской Федерации в унитарное Русское национальное государство (РНГ). Иными словами, русское де-факто национальное государство должно стать таковым де-юре.

7. Обозначилось двоякое понимание феномена Родины: «Родина — территория» и «Родина — русский народ». Это понимание было осознано как дилемма. В связи с чем произошло четкое размежевание сторонников империи — и сторонников Русского национального государства (РНГ) неимперского типа. Ключ к правильному выбору состоит в понимании роли демографического фактора. В условиях, когда у русских демографическое давление было выше, чем у окрестных народов, был естествен имперский путь развития России. Но в условиях, когда все стало наоборот, когда у русских демографический баланс с другими народами стал отрицательным, следует признать правоту Солженицына: восстановить многонациональную империю — значит окончательно похоронить русский народ, растворив его в инородном элементе.

8. Лозунг РНГ стал со временем главным, объединяющим все направления и организации в Русском движении.

Согласно теории русского этнического национализма, территория РНГ должна совпадать с картой компактного расселения русского этноса. Основная задача — соблюсти баланс между геополитическими выгодами и этнополитическими угрозами от той или иной территории для русских. Выгоды от территорий, не обеспеченных

русским населением, — эфемерны; угрозы же от инородческого населения, размножающегося активнее, чем русские, — совершенно реальны.

Территория идеального РНГ должна быть в чём-то немного меньше нынешней РФ, поскольку не включает в себя этнополитически опасные Туву, Чечню и Ингушетию, зато в чём-то — намного больше, поскольку включает в себя Белоруссию, северо-восточную часть Эстонии, Сумскую, Луганскую, Харьковскую, Донецкую, Запорожскую, Днепропетровскую, Херсонскую, Николаевскую, Одесскую области, Крым, Приднестровье (а в новых условиях, по-видимому, и Южную Осетию и даже, возможно, Абхазию), а также Кустанайскую, Петропавловскую, Кокчетавскую, Аркалыкскую, Акмолинскую, Карагандинскую, Павлодарскую и Усть-Каменогорскую области, где русские составляют от 40 до 90% населения.

9. Важный аспект теории нового русского национализма — отношение к другим народам России.

Прежде всего, необходимо различать *комплиментарные* для нас, русских, народы от *некомплиментарных* (Л.Н. Гумилев), независимо от их укорененности в России. Если с первыми у нас на протяжении многих веков складывались нормальные отношения, а с некоторыми из них даже стратегические союзы, то с другими эти отношения всегда были проблемными.

Далее, следует разделять народы России на три категории: *государствообразующий народ* (это только русские; ни один другой не может по объективным критериям претендовать на это звание); *коренные народы*, у которых нет своей государственности вне пределов России, и *национальные меньшинства*, у которых такая государственность есть.

Такая классификация не предполагает унифицированного подхода ко всем без разбора, стрижки всех под одну гребенку.

Несомненно, что коренные народы, комплиментарные по отношению к русскому народу, должны иметь равный с ним объем прав, реализуемый, в частности, через национально-пропорциональное представительство во власти.

Несомненно также, что в РНГ народу будет предложено принять законы, которые отделят по принципу полноправия–неполноправия коренные народы от некоренных. (В мире есть вполне признанные международным сообществом страны, у которых тут есть чему поучиться — Израиль, Латвия, Эстония, Украина и др.) Это касается, в первую очередь, права избирать и быть избранным, но не только.

Что же касается некомплементарных по отношению к русским народов, коренных или нет — безразлично, то отношение к ним будет строиться по принципу: как аукнется, так и откликнется. То есть — справедливо.

10. Развитие, усиление и диверсификация родноверческого движения привели к тому, что в Русском движении постепенно утвердилась религиозная амбивалентность. В полном соответствии с основополагающим тезисом: людей объединяет в единый народ — общая кровь, общее происхождение, а идеологии и верования их лишь разделяют.

Типичным сегодня является расуждение: «Разве наши христиане, как и наши ведисты или атеисты, — не русские люди? Разве те и другие не равно нуждаются в защите и поддержке? Разве мы не были свидетелями в XX веке, как дети священников становились коммунистами, а дети коммунистов — священниками? Нас, русских, сегодня уничтожают по миллиону в год, не спрашивая, во что мы верим, только за то, что мы русские — бывшие и будущие хозяева России. Поэтому нам всем надо выжить и победить, сохранить свое семя, свою кровь, прежде всего, а выбор веры пусть останется на совести каждого».

11. Некоторые черты новому русскому национализму добавило созерцание современной Европы, задыхающейся от наплыва цветной иммиграции, особенно в сравнении с обвальная неконтролируемой инородческой миграцией в России. Это побудило к пониманию общей судьбы белой европеоидной расы. Возникла и мгновенно набрала популярность идея расовой солидарности, здорового расизма. Это привело к бурному развитию скин-движения, к всплеску новой популярности нацизма, к попыткам привить на российскую почву ростки организаций типа Ку-клукс-клана или «Уайт пауэр». Публичный отказ европейцев от провалившейся политики мультикультурализма, произошедший в последние годы, вызвал в русской национальной среде понимание и зависть.

Таков сегодня, в основных чертах, современный, «продвинутый» дискурс русского национализма, принимаемый, с оговорками или без, большинством сознательных участников Русского движения. Это результат длительной и закономерной эволюции. Сложившись в основном во второй половине 1990-х, он с этих пор неуклонно продвигается в массы. Принцип «неодолимости нового», обоснованный Гегелем, относится к нему в полной мере.

Новое вино и старые мехи.

Первое переформатирование

Накопление и распространение идей, новых для русских националистов, для Русского движения, неизбежно вело к его переформатированию.

Характерными приметами середины 1990-х стало появление организаций, где получили поддержку и опору идеи этнического национализма, расизма, родноверия или религиозной амбивалентности, примата нации над государством, отказа от задачи восстановления империи и т.д. (см. выше).

Помимо упоминавшейся в предыду-

щей статье НРПР (Лысенко), чья история закончилась в 1996 г. с арестом лидера, следует назвать Народную национальную партию (ННП) Александра Иванова-Сухаревского¹⁵, ориентированную сугубо на молодежь. ННП была создана в конце 1994 г. на основе слияния двух радикально настроенных групп: Православной партии (Иванов-Сухаревский) и отколовшейся от Народно-социалистической партии России (НСПР) редакции газеты «Эра России» (редактор Владимир Попов), именовавшей себя также Национально-социалистическим движением (НСД).

ННП провозглашала Россию «национальным государством русских при отеческом отношении к национальным меньшинствам». Изначально партия отличалась жестким этнонационализмом¹⁶ и расизмом в хорошем смысле слова, а также национал-социализмом гитлеровского типа и сугубым православием, будучи тесно связана с православно-монархическим союзом «Христианское возрождение». Сам лидер ХВ Владимир Осипов поначалу числился «старейшиной» ННП и участвовал во всех акциях партии. Помимо Иванова-Сухаревского, лидерами партии являлись Вячеслав Демин, Алексей Широпаев и Владимир Попов¹⁷. В кон-

такте с Сухаревским работали П.В. Тулаев, В.Б. Авдеев, И.В. Дьяков, В. Истархов.

С течением времени необходимость конкурировать с другими организациями как православного, так и социалистического толка («Памятью», РНЕ, НБП, «Партией Свободы») обусловила, с одной стороны, резкую радикализацию ННП, откровенную и даже оголтелую пропаганду немецкого национал-социализма (гитлеризма), установление внутреннего режима фюреризма, а с другой — дрейф от христианства к родноверию¹⁸.

Аналогом московской ННП в Петербурге стала НРПР Юрия Беляева, преобразованная в 2000 г. в «Партию Свободы» (ликвидирована в 2009-м). В 1997 г. Беляев даже возглавлял Центральный совет ННП, но потом из нее вышел и сосредоточился на своей организации, сохранив идейную и типологическую близость с ННП.

Характерной чертой этих партий была ориентированность на уличные действия, ставка на физическую силу, на неформальные молодежные группировки, в т.ч. музыкального и/или спортивного толка. Гласно или негласно конечной целью провозглашалась русская национальная революция и захват власти тем или иным вождем (группой вождей). Болезнь «фюре-

¹⁵ Александр Кузьмич Иванов-Сухаревский, 1950 г. рождения, окончил в 1979 г. ВГИК, некоторое время работал в качестве кинорежиссера. С 1992 г. состоял в Московской казачьей заставе в чине подъесаула.

¹⁶ Главное программное положение: «Лица нерусской национальности или неправославного вероисповедания не могут быть гражданами России».

¹⁷ Попов заслуживает отдельного внимания; способный журналист-самоучка, самоотверженно издававший «на коленке» газету «Эра России», выходящую с начала 1994 г. как печатный орган Народно-Социалистической партии, образовавшейся в г. Новосибирске на базе местной органи-

зации РНЕ. После развала НСП Попов переехал в Москву, продолжая издавать газету, с которой и входит в ННП.

¹⁸ Отчасти то и другое было обусловлено личностью Сухаревского. Его мать добровольно в 1942 г. отправилась на работу в Германию, и внутренняя потребность оправдать ее выбор толкала сына на культ Гитлера и Третьего рейха. А финансовая зависимость от Владимира Истархова (автора или соавтора «Удара русских богов») влекла за собой религиозную непоследовательность. Но главное было в том, чтобы «перещеголять» конкурентов своим радикализмом, выделиться экстравагантной и «крутой» повесткой дня.

ризма», «вождизма» проявилась в них максимально.

В 1995 г. отставными офицерами армии и спецслужб была создана Русская патриотическая партия, пригласившая на роль вождя — опального бывшего министра печати ельцинского правительства Бориса Миронова. Визитной карточкой которого стал призыв к национальному восстанию с опорой на армию — застрельщика русской революции. Партия, однако, никак не проявилась на поверхности политической жизни и к 2002 г. практически исчезла. Но само ее создание указывает на характерную тенденцию в Русском движении того времени¹⁹.

Здесь надо сделать отступление, чтобы понять суть того времени.

* * *

Несмотря на то что буржуазно-демократическая революция конца XX века совершалась в России достаточно мирно и почти бескровно, а лидер коммунистов Геннадий Зюганов даже провозгласил тезис об исчерпанности лимита на революции, само по себе время перемен постоянно порождало в обществе революционные ожидания и «баррикадные» настроения. Тем более что в мизерном, редуцированном виде эти ожидания все же сбылись в ходе двух «защит Белого Дома» (1991 и 1993 гг.). Кровь пролилась, жертвы были. Массы, казалось, вновь творили историю на наших глазах.

Инерция вооруженного противо-

стояния долгое время сказывалась в наличии иллюзий относительно возможности «русской революции», «национального восстания» (фанатом этой идеи, как уже говорилось, был Борис Миронов). Ставка на силу сохранялась у многих, что и обеспечивало специфику таких организаций, как РНЕ, ННП, НБП, «Партия Свободы», Союз офицеров и некоторые другие, упиривших на физическую подготовку своих участников и опиравшихся на соответствующий контингент.

Однако история поставила весьма наглядный эксперимент, показавший способным думать людям, чего можно ждать от подобных надежд. В 1997 г. в российской политике появилась новая фигура — генерал Лев Рохлин, сильная личность, открыто поставившая цель: либо заставить Ельцина с его бандой изменить политический курс, либо стереть их всех с лица Родины. Рохлин был хороший человек и солдат, но идеалист, совершенно не подготовленный к политической деятельности, к тому же убежденный до мозга костей интернационалист (как и большинство советских офицеров, уж не говоря о том, что по отцу Рохлин еврей). Тем не менее его Движение в поддержку армии (ДПА) росло, как на дрожжах, и вскоре превратилось в подлинную и грозную силу, как казалось поначалу многим. Силу, несопоставимо более серьезную, чем все русские организации вместе взятые, готовившую реальный переворот по всем правилам военной науки. Однако в июле 1998 г. генерал оказался убит в полном соответствии с обещанием Ельцина: «А этих рохлиных мы сметем!» После чего вся «грозная сила», лишившись вожака, постепенно рассосалась, не оправдав своих обещаний. Преемники Рохлина — генерал Альберт Макашов и прокурор-депутат Виктор Илюхин на роль главарей восстания не сгодились.

Несмотря на то что в советниках у Рохлина какое-то время обретался Петр Хомяков, инициатива ДПА не

¹⁹ Знаменательной можно назвать встречу в 1995 г. в кафе Центрального дома литераторов и попытку договориться двух будущих лидеров Русского движения, Бориса Миронова и Александра Севастьянова. Из которых первый выдвинул в качестве первоочередной задачи создание политической партии, а второй — создание теоретических основ русского национализма. Их пути разошлись в соответствии с данными установками, что в дальнейшем привело к политическому разминовению и противостоянию.

имела никаких прямых последствий для Русского движения, но поставила под сомнение саму возможность силового изменения ситуации, послужила суровым уроком для всех. Умным людям стало ясно, что Кремль реально контролирует ситуацию, в частности — в армии и спецслужбах, и что ставка на лобовое противостояние, на революцию, силовые действия — не состоятельна, что надо искать другие пути изменения политического режима.

К сожалению, далеко не все русские лидеры той поры оказались в рядах умных, понимающих ситуацию людей. Инерция «революционного» подхода надолго сковала Русское движение, ограничило его маневр, бездарно угробила немало лучших ресурсов. И не факт, увы, что данный урок оказался усвоен...

Политика Суркова в национальном вопросе

К концу 1990-х Кремль определился в отношении Русского движения. Чему во многом способствовала расправа над Рохлиным и разрушение ДПА как угрозы режиму. Пока Ельцин и его команда чувствовали себя недостаточно уверенно на внутривнутриполитическом поле, русских националистов преследовали не систематически и не слишком жестко (Баркашев сидел за «вооруженный мятеж», но был амнистирован вместе с другими защитниками Белого Дома; Иванов-Сухаревский недолго сидел, будучи под следствием, но реального срока не получил; Лысенко сел за имитацию покушения на себя самого; единственной настоящей жертвой можно считать только Константина Смирнова-Осташвили, убитого в тюрьме). Прокуроры разных уровней, скорее, были снисходительны к националистам и помогали им не попасть в беду из-за неосторожных слов или поступков.

Словом, долгое время власть не замечала Русское движение и не счита-

лась с ним. Известность приобрела фразочка Суркова, якобы брошенная Бабурину в ответ на жалобы на невнимание со стороны Кремля: «Чтобы мы вас стали замечать, научитесь хотя бы нам мешать».

Между тем с течением времени выяснилось, во-первых, что русские националисты в целом находятся в оппозиционном секторе (хотя и Д.Д. Васильев, и А.П. Баркашев всячески демонстрировали лояльность Ельцину, но это было вполне вопиющим исключением). Во-вторых, что ориентация на силовые действия является живучей и мобилизующей весьма значительную часть Русского движения тенденцией. А в-третьих, что национализм постепенно расстается с положением политического маргинала и прочно прописывается в общественной жизни.

Неудивительно, что куратор всей внутренней политики России, Владислав Сурков, подобно своему соплеменнику Юрию Андропову²⁰, вскоре начал рассматривать Русское движение в качестве основной угрозы строю и режиму. Чему, надо полагать, немало способствовало национальное происхождение этого «серого кардинала» режима. (Однозначно он сформулирует свой подход на Пятом съезде Единой России, заявив, что у режима два главных противника: олигархи и националисты.)

Устранение угрозы военного переворота развязало руки Кремлю. Во внутренней политике возобладала позиция Суркова, решившего вообще изгнать, «зачистить» русских националистов с политического поля России. Без всяких церемоний. Даже тень самоорганизации русских попала под запрет: учрежденную 17 ноября 1999 г. Федеральную русскую национально-

²⁰ Еврейское происхождение Андропова сегодня установлено документально. О Суркове осведомленная газета компромата «Стрингер» писала как о полученце по отцу и полуеврею по матери.

культурную автономию России, вопреки законодательству, но по прямому указанию Суркова, Минюст под разными предложениями отказывался регистрировать. Да так и протянул дело (несмотря на прямое указание Таганского суда зарегистрировать ФРНКАР) до внесения в 2003 г. поправок в закон 1996 года об НКА, по которым русским как национальному большинству свою НКА стало иметь не положено²¹.

Тем более оказались жестко пресечены в 1999 г. попытки русских националистов войти в круг легитимных политиков и официально представить свои позиции в представительном органе власти России — Государственной Думе. В Думу не смогли попасть и были отлучены от легальной политики даже относительно лояльные Кремлю симулякры — КРО и РОС. Тем более оказалась обречена на поражение попытка настоящих националистов войти в законодательную власть: имеется в виду участие в избирательной кампании организации «Спас», за официальным фасадом которой скрывались, с одной стороны, РНЕ, а с другой — ряд известных деятелей Русского движения, введенных в Центральный совет «Спаса» и включенных в федеральный список: Михаил Бурлаков, Валентин Лебедев, Борис Миронов, Александр Севастьянов, Виктор Селиванов. Набрав за первые же две недели рейтинг 15% («говорящими головами» на радио и ТВ выступали Миронов и Севастьянов), «Спас» был экстренно снят с выборов Замоскворецким судом г. Москвы по личному негласному распоряжению Ельцина.

В итоге к началу 2000 г. в Русском движении вызрел капитальный кризис.

С одной стороны, обнаружила себя полная невозможность «штурма ре-

жима» в лоб, путем организации восстания, революции, переворота и т.д.

С другой стороны, потерпели поражение пресеченные властью попытки легитимации русских националистов путем участия в выборах.

Набравшее ход Русское движение внезапно и резко остановилось в вынужденном бездействии, не зная, что и как делать дальше.

Однако причины, породившие Русское движение и давшие ему довольно быстрое и мощное развитие по восходящей, никуда не исчезли. Нерешенность проблем русского народа по-прежнему во многом диктовала политическую повестку дня.

Политика Суркова означала лишь попытку заклепать предохранительный клапан на кипящем паровом котле. С тех пор эти попытки периодически возобновляются, уродуя естественный ход событий и внося в российскую жизнь угрозу нестабильности. Как и всегда в подобных случаях, лекарство оказывается опаснее болезни.

Можно сказать, российская власть собственными руками начала загонять Русское движение в подполье.

Кризис в Русском движении рубежа 1990–2000-х гг.

Понимание того, что время для подъема масс на решительную, в т.ч. вооруженную борьбу миновало, витало в воздухе на рубеже 1990–2000-х годов. Пик народного недовольства и отчаяния, пришедшийся на середину 1990-х, миновал, большинство людей как-то приспособилось к переменам, научилось выживать и было занято именно выживанием. Последние надежды на «русский бунт» были убиты вместе с Рохлиным. Не все, разумеется, но наиболее чуткие и дальновидные политики это осознавали.

Особую роль в том, что в 1990-е народный протест «съехал на тормозах», сыграли две личности: Александр Проханов и Геннадий Зюганов. Первый, талантливый и авторитетный в широких

²¹ Секретарем ФРНКАР был назначен А.Н. Севастьянов. Борьба за право на регистрацию ФРНКАР полностью отражена в его книге «Россия — для русских!» (М., 2006).

кругах журналист и редактор, все десятилетие собирал под знамена газеты «День» — «Завтра» весь протестный электорат и на блюдечке передавал его второму. А второй, соглашатель и политический карьерист, аккуратно сливал его в свой золотой унитаз. Огромные надежды, возлагавшиеся отчаявшимся народом на КПРФ, на Зюганова, были совершенно пустыми, но народ и даже сам Проханов поняли это, увы, с роковым опозданием.

Чрезвычайно характерный, все разъясняющий эпизод разыгрался в начале зимы 1999 г., когда Проханов у себя в редакционном помещении сумел собрать всех сколько-нибудь известных русских националистов, активистов Движения (десятка два человек), и представил им в качестве потенциального вождя Альберта Макашова. Однако, к чести националистов, никто не повелся на эту приманку²², зная непредсказуемый характер «красного генерала», который сегодня может что-то удачно ляпнуть «про жидов», а завтра с такой же наивностью ляпнет «Пролетарии всех стран — соединяйтесь» или «Даешь Советский Союз!». Скепсис оказался стопроцентно провидческим, поскольку Макашов в ходе избирательной кампании в декабре того же года, формально представляя ДПА, на деле призывал всех голосовать... за КПРФ! Это была искусная

«подстава» в пользу Зюганова, но она не сработала.

Полный крах националистов на выборах 1999 года вызвал ступор и стагнацию Русского движения. Все внутренние противоречия стали вскрываться. Фактически прекратили свою деятельность симулякры КРО и РОС, поскольку их никчемность стала самоочевидна. В РНЕ началось брожение, которое, после отказа Баркашева баллотироваться в президенты, вылилась осенью 2000 г. в раскол и прекращение существования этой своеобразной, наиболее сильной и многочисленной русской организации. На какое-то время ННП и «Партия Свободы» оказались единственными организациями «на плаву», куда за неимением лучшего потекла молодежь, привлеченная романтикой экстрима. Но в целом все Русское движение к концу 2000 года оказалось лежащим в осколках; на его месте образовался вакуум. Сколько-нибудь взрослым, серьезным сторонникам русского национализма оказалось некуда податься.

Дальнейшие пять лет были посвящены попыткам преодолеть данный кризис²³.

²² Любопытно, что осенью 1998 г. с предложением возглавить Русское движение к Борису Миронову обратился Александр Севастьянов, обещав тому всяческую поддержку. Однако Миронов уклонился от предложения, выдвинув кандидатуру Макашова, поскольку-де тот, во-первых, генерал (Миронов всегда питал особые надежды и иллюзии в отношении армии), а во-вторых — открытый антисемит. В то время Миронов не хотел брать все на себя и думал, что фигура генерала-«жидоборца» консолидирует русских лучше него самого, но к описываемому моменту даже он уже разочаровался в Макашове.

²³ В завершение данного раздела я обращаюсь ко всем участникам Русского движения с просьбой и предложением присылать на адрес редакции «Вопросов национализма» или на мой личный адрес mail@sevastianov.com любые дополнения или исправления, какие вы сочтете нужными, но при условии их документирования или в качестве личного свидетельства о событиях и людях. Это необходимо для создания максимально выверенного варианта истории Русского движения.